

УДК 929(37)
ББК 63.3(0)32-8
Б97

Перевод оригинального издания
Alexander Bätz
Nero. Wahnsinn und Wirklichkeit

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

В оформлении обложки использованы фрагменты картины
Генриха Семирадского «Христианская Дирица в цирке Нерона»

Бэтц, Александр.

Б97 Нерон. Безумие и реальность / Александр Бэтц ; [перевод с немецкого
В. А. Филипповой]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 448 с. — (След
истории)

ISBN 978-5-17-157607-3

Имя Нерона стало синонимом всех возможных пороков — полюсом на красочной палитре зла. В памяти веков Нерон остался как тиран, матерубийца, поджигатель Рима и гонитель христиан. Есть и более благосклонный взгляд: толстый невротик, беспринципный бездельник, изнеженный неудачник, увлекавшийся поэзией и скачками, абсолютно непригодный к роли римского императора.

Однако воспоминания о Нероне всегда были производными от сенатской историографии. Ни одной кормилице и ни одному дегустатору не пришла в голову идея перенести на папирус свое мнение о Нероне. Молчат римские наемные рабочие и ремесленники, постоянно занятые на строительных проектах императора, безмолвны телохранители Нерона, его вольноотпущенники, возникшие, актеры и вообще простой люд — подавляющее большинство населения Рима и империи.

Историк-антиковед Александр Бэтц не ставит перед собой задачи обелить Нерона, и для этого нет оснований; цель книги — демифологизировать императора. Бэтц предлагает погрузиться в реалии римского общества, систему императорской власти и дворцовые интриги, чтобы попытаться увидеть в образе Нерона что-то помимо оргий, безнравственности, декаданса, жестокости и произвола.

УДК 929(37)

ББК 63.3(0)32-8

ISBN 978-5-17-157607-3

© Rowohlt Verlag GmbH, Hamburg, 2023

© В. А. Филиппова, перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2025

Посвящается Флориану

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 11

Беременность Нерона **11** ♦ Истории императоров **13** ♦ Кто такой Нерон? **14** ♦ Три автора **16** ♦ Свет и тень **21** ♦ Нерон и христианская традиция **23** ♦ Монстр набирает обороты **25**

МИР НЕРОНА 31

Рим и Римская империя в I веке

Пролог **31** ♦ Конец **31** ♦ Начало **37** ♦ Принцепс **39** ♦ Культ императора **41** ♦ Сенаторы и всадники **42** ♦ Рабы и вольноотпущенники **45** ♦ Рим и *plebs urbana* **48** ♦ Солдаты **50** ♦ От Атлантики до Евфрата **53** ♦ Внутренние дела империи **55** ♦ Преемник **59**

РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО 62

Взросление в тени династии (37–50 гг.)

15 декабря 37 года **62** ♦ Известия **64** ♦ *Dies lustricus* **64** ♦ Луций **64** ♦ Дети Германика **65** ♦ В тени Тиберия **67** ♦ Не по Калигуле калиги? **70** ♦ Возвращение в Анций **71** ♦ Плохие гены **72** ♦ Вопрос веры: кормилицы в Риме **73** ♦ Неизвестный ребенок **74** ♦ Теории заговора **75** ♦ Нерон, цирюльник и танцор **76** ♦ Падение Калигулы **77** ♦ Клавдий, кроме шуток **78** ♦ Снова с матерью **79** ♦ Взгляд бдительной жены **80** ♦ Клавдий, величайший из всех императоров? **81** ♦ Нерон растет и развивается **83** ♦ Агриппина воспринимает все всерьез **85** ♦ У Агриппины нет выбора **86** ♦ Нерон продвигается вверх **87** ♦ Спасение для Сенеки — и задание **88** ♦ Нерон становится сыном императора **90**

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ 93

43 месяца в роли наследника престола (51–54 гг.)

Самый юный взрослый своего времени **94** ♦ Послание, имеющее определенный вес **95** ♦ Кандидат в преемники **96** ♦ Нерон вместо

Британника? **97** ♦ Несмотря на последствия **98** ♦ Испытания **99** ♦ Свадьба со сводной сестрой **102** ♦ Будущий римский император представлен **102** ♦ А что Нерон? **104** ♦ Позиционные бои **105**

МНОГООБЕЩАЮЩЕЕ НАЧАЛО 108

Сдержанность и первые проявления
распущенности (54–57 гг.)

Смертельные грибы **110** ♦ Перед употреблением продегустировать **111** ♦ Первым делом — преторианцы **113** ♦ Обычное дело для принцепса **114** ♦ Сильный дух или все-таки сильный яд? **116** ♦ *Laudatio funebris* **116** ♦ Радужные перспективы **118** ♦ Новые роли при императорском дворе **120** ♦ Самая могущественная женщина на Земле **121** ♦ Два убийства для раскочки **124** ♦ Добродетели правителя **125** ♦ Проблемы на Востоке **127** ♦ Достопочтенный император во втором ряду **128** ♦ Смена настроений **130** ♦ Сатурналии **131** ♦ Клавдия Акта **133** ♦ Британник умирает **134** ♦ Семейные узы **136** ♦ Выселение **138** ♦ Агриппина колеблется **139** ♦ Обвинения без осуждения **140** ♦ О милосердии правителя **141** ♦ Римские ночи **143**

ОЧЕНЬ ЛИЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ 146

Гонки на колесницах и ораторское искусство (57–59 гг.)

Шоу начинается **149** ♦ Гонки на колесницах **150** ♦ Сила игр **153** ♦ Миражи? **154** ♦ Рано поцелованный музой **158** ♦ Поплея Сабина **160** ♦ Новая императрица для императора? **162** ♦ Взгляд на Октавию **164** ♦ *Incestum*, которого едва избежали **165**

СВОБОДЕН ОТ ОКОВ 168

Пренебрежение происхождением (59–62 гг.)

Убийство матери **169** ♦ «Арго» Нерона терпит неудачу **170** ♦ Решения **174** ♦ Агриппина в ином свете **175** ♦ Переломный момент? **176** ♦ Конец прекрасной эпохи **177** ♦ Мать императора мертва, да здравствует сын! **179** ♦ Мясо и граффити **181** ♦ Нерон действует **182** ♦ Борода сбрита **184** ♦ Гладиаторы-любители **188** ♦ Поэт и философ **190** ♦ Неронии! **192** ♦ Безумство или что-то еще? **194** ♦ Нерон создает греко-римский стиль **196** ♦ Оздоровительные процедуры **198**

САМОИЗОЛЯЦИЯ 200

Разрыв с сенатом (62–64 гг.)

Religio 202 ♦ Рыжая весталка 203 ♦ Что говорят арвалы? 207 ♦ Целое море культов 209 ♦ *Nero magus* 210 ♦ Два новых префекта претория 211 ♦ Сенека съят по горло 213 ♦ Доверенные лица Нерона 215 ♦ Кому еще нужен этот сенат? 218 ♦ Оскорбительные стихи и говорящие мертвецы 219 ♦ Эскадроны смерти 221 ♦ Нерон отворачивается 224 ♦ Поппея против Октавии 225 ♦ Радости и горести повседневной жизни 227 ♦ Клавдия Августа — божественная Клавдия 230 ♦ Театральные подмостки 232 ♦ *In vino veritas* 233

ВЕЛИКИЙ ПОЖАР РИМА 235

Причины, последствия для города
и христианский вопрос (64–65 гг.)

Ад разверзся 236 ♦ «Потеющий конус» в огне 238 ♦ Святыни в опасности 240 ♦ Следы пожара 241 ♦ Пожарная охрана 243 ♦ Явление Нерона 245 ♦ Реконструкция 246 ♦ Рыба для Вулкана 248 ♦ В вечность 249 ♦ Поджигатель 251 ♦ Золотой дом 254 ♦ *Otium* для народа 258 ♦ Антихрист восстает 260 ♦ Христиане во тьме 261 ♦ Преследование христиан без огня? 264 ♦ Жалость к каннибалам 268

ОБЩАЯ РАДИКАЛИЗАЦИЯ 271

Заговор и репрессии (65–66 гг.)

Заговорщики 273 ♦ Убить тирана — но как? 276 ♦ Упущенный шанс 278 ♦ Много имен 280 ♦ Нерон наносит ответный удар 281 ♦ Смерть во имя добра и зла 282 ♦ Обреченные на зрелища: и снова Неронии 285 ♦ Поппея Сабина — Клавдия Антония — Статилия Мессалина 288 ♦ Слишком длинные колосья 292 ♦ Конец Арбитра 295 ♦ Тразея Пет и инсценировка судебного процесса 296 ♦ Император дал, император взял 299 ♦ Трдат в Риме 301

ТРИУМФ И ГИБЕЛЬ 306

Из Греции в гробницу (66–68 гг.)

Греция зовет 307 ♦ Лавр, сельдерей и мифы 309 ♦ Олимпийский чемпион 311 ♦ Нерон как *periodonikes* 313 ♦ Через Коринфский перешеек! 314 ♦ Провозглашение свободы 318 ♦ Удовольствие,

политика или все сразу? **319** ♦ Взгляд на общую картину **321** ♦
Тревожное возвращение **324** ♦ Триумфатор въезжает в Рим **326** ♦
Начинается — в Галлии **328** ♦ Зарница **330** ♦ Все потеряно? **332** ♦
Вергиний Руф **333** ♦ Признаки распада **334** ♦ Без плебса и без
преторианцев **337** ♦ Бегство и смерть **339**

ЭПИЛОГ 341

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хронология 354

Генеалогическое древо рода Юлиев-Клавдиев 356

Примечания 358

Введение 358

Библиография 421

Благодарности 445

Источники изображений 446

Об авторе 447

ВВЕДЕНИЕ

Беременность Нерона

Нерон забеременел — наконец-то. Он страстно хотел зачать и родить ребенка, угрожал своим врачам огнем и смертью, если они не помогут ему осуществить желаемое. Они приготовили для него зелье, которое должно было совершить чудо. Чудо свершилось: роды произошли через рот. После неуставленного срока беременности император изрыгнул уродливую жабу. Присутствующие прокомментировали омерзительное зрелище испуганными возгласами: *Lata rana, lata rana!* — «большая лягушка», что дало название Латеранскому дворцу* в Риме¹.

Эта причудливая история взята из так называемой «Императорской хроники» — исторической поэмы XII века, раннего средневерхненемецкого периода, предположительно написанной в Регенсбурге. Произведение, весьма популярное в Средневековье, содержит исторический и хронологический очерк римских и германских императоров от Цезаря до 1147 года². События тех лет сокрыты в преданиях и отчасти бесследно утеряны: более 17 000 стихов, в которых в основном воспеваются заслуги перед Церковью, наделяют фигуры правителей обилием анекдотов. Помимо беременности Нерона, неизвестный автор также рассказывает, как тот с великим энтузиазмом поджиг Рим и из любопытства вспорол живот собственной матери. Казнь апостолов Петра и Павла также приписывается Нерону. Соответственно, в конце повествования *ubelen kunige Nêre*, злого императора Нерона, забирает сам дьявол.

Наряду с родившим жабу императором, чье необычное желание гротескно выходит за рамки установленного Богом порядка, идя, как говорится в тексте, «*против природы человеческой*», «Императорская хроника» содержит один из любопытных моментов истории рецепции Нерона, которая по сей день вызывает живой интерес. На протяжении почти

* Латеранский дворец был с IV до начала XIV века, то есть до Авиньонского пленения пап (1309–1377), резиденцией римских понтификов. Свое название дворец (как и Латеранская базилика) получил от Латеранского холма, располагавшегося вне стен античного Рима. Название «Латеран» связано с древним родом Плавтиев-Латеранов, чьи владения, расположенные на холме Целий, были конфискованы при Нероне. (Здесь и далее — *Прим. науч. ред.*, если не указано иное.)

2000 лет распространяются бесчисленные изображения и истории о последнем императоре из династии Юлиев-Клавдиев*. Упоминания о каких-либо его достоинствах встречаются крайне редко.

Как часто бывает при оценке масштабов исторического величия и степени вины, образы Нерона — это прежде всего отразившие дух своего времени слепки, которые больше говорят о своих создателях, чем об описываемой фигуре. То же справедливо в отношении и Александра Македонского, и Юлия Цезаря³. Но если в их случае в первую очередь учитываются политические реалии, которые оценивались широко и весьма разнообразно, а также предлагаются все промежуточные оттенки — от глубокого неприятия до благоговейного почитания, — то суждения о Нероне колеблются лишь в рамках красочной палитры зла, и создается впечатление, что только этим он и выделяется: спустя два тысячелетия Нерон стал символом, обозначающим всевозможные пороки и в то же время полностью скрывающим историческую личность. Сегодня Нерон широко известен как матерубийца, гонитель христиан, тиран и поджигатель. Более доброжелательные критики видят в нем просто толстого невротика, беспринципного бездельника или изнеженного неудачника, который увлекся поэзией и пением и был абсолютно непригоден к роли римского императора.

Образ Нерона мгновенно переносится из далекого Древнего Рима в наши дни. Сравнение с ним сразу же приходит на ум, когда нужно осудить недостатки или политический режим диктаторов, авторитарных лидеров или правителей-экстремистов, и на протяжении 20 веков такое сравнение остается понятным для всех. Когда в марте 2020 года Дональд Трамп опубликовал в *Twitter*** фотографию, на которой он играет на скрипке, пока в США бушует коронавирус, весь мир дружно упомянул в комментариях Нерона: Рим в огне, а Нерон берет в руки лиру⁴.

Многие годы исследователи-антиковеды всячески выражали сомнения в том, что историческая фигура Нерона имеет что-то общее с этими клише. И сегодня они усердно разрабатывают альтернативные интерпретации образа императора, лишённые отпечатка времени, обсуждают различные варианты оценки его правления и намечают историографические тренды — например, в отношении переосмысления роли принцепса с точки зрения его увлечения искусством⁵. Более удобная версия характеристики Нерона как особенно неприятного представителя длинной череды «плохих» императоров все дальше отодвигается на второй план. В современной науке больше никто не использует легендарный термин «кесарево безумие» — диагноз, который

* Династия римских императоров (27 г. до н. э. — 68 г. н. э.).

** *Twitter* (X) заблокирован в Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры. — *Прим. изд.*

в конце XIX — начале XX века с энтузиазмом применяли к таким императорам, как Нерон или Калигула, для объяснения странностей в поведении и характере этих правителей, в изобилии представленных в древних текстах⁶.

Истории императоров

Парадигма в отношении великих деятелей Античности начала меняться несколько десятилетий назад. Сегодня в дискурсе доминируют структурно-исторические перспективы⁷. Вряд ли кто-то всерьез будет отрицать, что фигура, всегда казавшаяся грандиозной, такая как Август (отношение к которому было куда лучше, чем к Нерону), является порождением своего времени. Даже для него, первого римского императора, несмотря на аккумулированную им невероятную власть, существовали объективные условия, которые зачастую принуждали его действовать энергично и, что не менее важно, требовали понимания и умения к ним приспособливаться.

Однако бóльшая часть историографических, антикварных и биографических текстов древности посвящена исключительно таким великим людям и их столь же великим деяниям, как хорошим, так и плохим. Структурную информацию о рассматриваемом периоде, игровом поле действующих лиц, античные авторы передают лишь косвенным образом. И это неудивительно: зачем Тациту или Светонию распространяться о том, что для их современников было само собой разумеющимся? Из-за этого фильтра последующие наблюдатели легко упускали из виду связи и предпосылки. Так и Нерон на протяжении веков сталкивался с этой проблемой. Предполагаемый безумец вполне может предстать в ином ключе, стоит только осветить его окружение ярче и шире. Более полная картина вырисовывается, лишь когда жизнь и поведение императоров встраиваются в реалии римского общества, в условия жизни при дворе, в пространство принятия решений и общения, в систему императорской власти в целом⁸.

Исследователи давно пришли к выводу, что образ ранней Римской империи должен быть воссоздан на основе целого комплекса источников. Зачастую проблема заключается не столько в императорах, сколько в текстах, доступных для реконструкции их биографий. Однако историк не может выбирать одни источники в ущерб другим. Это относится ко всем периодам, но более всего применимо к древней истории. При изучении греко-римской Античности традиция куда тоньше и большей частью сложнее, чем в более поздние эпохи, где порой допускается щедрая расстановка акцентов при подборе материалов. Грань между утверждениями и предположениями часто очень тонка, особенно когда речь идет об императорах династии Юлиев-Клавдиев.

Кто такой Нерон?

Цель этой книги не в том, чтобы превратить плохого императора Нерона в хорошего императора Нерона. Это было бы методологически и фактически неверно и для этого нет никаких оснований. Скорее, ее цель в том, чтобы демифологизировать Нерона, трезво представить как человека своего времени с присущими ему ритуалами и правилами, традициями и ценностями, не упуская из виду спорные сообщения. Выбранная оптика исследования часто охватывает материал куда шире обычной биографии, но затем отклоняется от четкого фокуса на конкретной личности. В центре внимания — вовлечение Нерона в повседневную жизнь. Взять лупу и сконцентрироваться исключительно на нем будет явно недостаточно. В книге используются культурный, социальный, событийный и структурно-исторический подходы — таким образом, учитывается, что Нерон взаимодействовал со своим миром и людьми, живущими в нем, в самых разных точках соприкосновения. Речь идет о создании широкой панорамы, в которой второстепенные герои иногда становятся главными действующими лицами, и наоборот — насколько позволяют источники.

В общении со многими современниками, которое не вызывало особого интереса у античных авторов, Нерон зачастую выступал в большей степени как человек, нежели как император. Были кормилицы, которые заботились о нем и опекали еще до того, как его стали называть Нероном, воспитатели, которые присматривали за мальчиком и готовили к престолонаследию. А при императорском дворе, где соединялись нити управления империей, бывшие рабы выполняли всю работу, важную и грязную, что зачастую означало одно и то же, для Нерона, их патрона, который даровал им свободу и мог рассчитывать на вечную благодарность.

Рассчитанная близость и бесконечная дистанция в равной мере характеризовали отношения Нерона с аристократией, по крайней мере с момента, когда он встал на ноги и больше не желал безоговорочно подчиняться своим советникам. Тогда благосклонность и недовольство императора решали вопрос жизни и смерти, и самоубийство, настоятельно рекомендованное сверху, стало нередким среди сенаторов. Разумеется, столь жестокое распределение ролей оказало огромное влияние на отношение аристократов к императору. И традиционалисты, и соглашатели были вынуждены признать, что обыденное представление сенаторов о самих себе и их фактическое значение в государственном аппарате диаметрально противоположны. А император, который не мог или не хотел видеть, что уважение к традиции как к наименьшему общему знаменателю в отношениях с сенатом просто необходимо, недостоин этого титула. Итогом стали заговоры, восстания и смерти, а в самом конце — смерть самого Нерона.

В круг общения Нерона входили не только разочарованные аристократы, но и возникшие, жрицы, гладиаторы и солдаты, а также простые граждане Рима, которые с восторгом или недоумением смотрели на своего императора, когда тот выступал на публике в качестве артиста. Нерон-изверг лишь изредка проявляется в этих зонах контакта. Не каждый житель Рима подтвердил бы расстройство поведения непредсказуемого императора. В поисках монстра-поджигателя мы ступаем на особенно зыбкую почву. Между тем большинство ученых убеждены: Нерон не виноват в великом пожаре 64 года, столь неразрывно связанном с его именем.

«Что могло быть хуже Нерона, что может быть лучше его бань?» — вопрошает поэт Марциал в эпиграмме примерно через 20 лет после смерти Нерона⁹. Нерон был весьма противоречив во многих отношениях, и еще при его жизни общественное мнение о нем разделилось¹⁰. Свет и тень пронизывали его правление, при этом параметры, определяющие, что к чему отнести, зависели от наблюдателя. Однако вряд ли можно отрицать, что освещение литературных преданий, выдержанных исключительно в самых мрачных тонах, не отражает сложности предмета.

Эпиграфика, второй по значению источник по истории Древнего мира после античной литературы, представляет Нерона в ином свете¹¹. На территории Римской империи сохранилось 175 надписей, инициированных самим Нероном или посвященных ему. Эти свидетельства вовсе не указывают на то, что между 54 и 68 годами на императорском троне восседал опасный психопат. В целом в надписях имидж Нерона соответствует высоким стандартам: отсылки к Августу и прославление военной мощи были частью канонического образа всех предшественников Нерона. Так что тут все было в порядке вещей.

Другой пример: презрение к культам богов и принципиальное игнорирование государственной религии — одно из центральных обвинений, выдвинутых против Нерона в источниках. Однако записи арвальских братьев — древней коллегии жрецов, извлеченной Августом из забвения, — которые вели хронику своей деятельности, не дают никаких подтверждений этим обвинениям¹². Если исходить только из этого источника, то ничто не указывает на то, что император пал по указанной причине.

Поэтому стоит по-новому взглянуть на Нерона, и этот иной подход, вопреки стереотипам, так долго его окружавшим, позволит не сбить нас с толку. Нерон жил в относительно четко очерченном космосе, прототипов, структуры и правила которого мы можем проследить так же, как и воздействие этого мира на императора. Об этом и пойдет речь. Избранный в этой книге подход не смывает кровь с рук императора, но позволяет немного приуменьшить чудовищный и странным образом обособленный индивидуальный феномен под именем Нерон, который веками препятствовал рецепции и формировал народное восприятие.

Поиск сути, лежащей в основе нероновского мифа, уже давно занимает ученые умы в башнях из слоновой кости, и некоторые ответы уже найдены. Однако широкая общественность лишь недавно столкнулась с необходимостью подвергнуть сомнению привычные взгляды и суждения, связанные с Нероном. Цель книги – взять за основу эти сомнения и предоставить широкому кругу читателей информацию о том, что было исследовано в отношении Нерона за последние десятилетия. Факт, что Нерон, самый известный римский император, обладает огромной привлекательностью за пределами антиковедения, подтвердился в Германии в 2016 году на специальной выставке «Нерон. Император, артист и тиран» в Рейнском региональном музее в Трире. К моменту, когда получившая хвалебные отзывы выставка закрыла свои двери, более 270 000 посетителей успели за несколько часов познакомиться с шагнущим в бессмертие императором, получив вполне сбалансированный и обновленный образ Нерона. Выставка в Трире была одной из самых успешных античных выставок последних десятилетий и, вероятно, поспособствовала тому, что мифотворческое воплощение образа Нерона Питером Устиновым в фильме 1951 года «Камо грядеши» в глазах многих зрителей заметно поблекло¹³.

Три автора

Как же получилось, что Нерон столь предвзятым образом сумел стать негативным стереотипом? И к какому апогею привело увлечение Нероном на протяжении почти 2000 лет?

Начало всему положили три античных автора: Тацит, Светоний и Кассий Дион¹⁴. Они создали однобокий образ Нерона и придали ему форму, которая в значительной степени сохраняется по сей день. Их сочинения послужили плодородной почвой, на которой стремительно разрослась мрачная история восприятия Нерона. Между тем все трое отнюдь не являлись свидетелями правления Нерона, и каждый из них руководствовался собственными, правда, весьма основательными, причинами, которые мешали трезво взглянуть на императора.

Публий Корнелий Тацит, родившийся в середине или в конце 50-х годов, если и застал правление Нерона, то лишь в детстве, когда жил в галльской провинции. Впервые он оказался в Риме, когда ему, предположительно, было около 15 лет; в столице начались его занятия риторикой. К тому времени Нерона уже несколько лет не было в живых. На императорском троне восседал Веспасиан (69–79), основатель династии Флавиев, сделавший все, чтобы как можно заметнее отмежеваться от Нерона. При Флавиях Тацит начал senatorскую карьеру и выработал для себя четкое представление о тех правах и обязанностях, которые должны применяться при взаимодействии императора и сената. В частности, жестокое автократическое правление последнего императора

династии Флавиев Домициана (81–96) сильно повлияло на Тацита как литературного защитника сенаторской свободы и самоопределения.

Тацит был мизантропом, пессимистом в отношении культуры и в своих произведениях безжалостно обличал потрясения в обществе и политике, которые, по его мнению, было невозможно предвидеть. Читать его — огромное удовольствие и сегодня. Особенно когда он отходит (довольно часто) от своего часто цитируемого намерения повествовать о минувших событиях без гнева и пристрастия (*sine ira et studio*)¹⁶ и весьма язвительно указывает на недостатки конкретных людей или целых сообществ. Например, он пишет, что Рим — это город, который многое знает, но ничего не таит¹⁷; чрезмерная потребность в признании — явление не только нашего времени. Основной тон Тацита мрачен, и, если бы его спросили, он, вероятно, вообще мог бы обойтись без императора во главе государства, и совершенно точно без такого правителя, как Нерон, который в итоге начал перестраивать хрупкую тектонику Римской империи явно в ущерб сенату*.

Помимо ретроспективы в «Истории», труде, посвященном в первую очередь императорам династии Флавиев, Тацит обращается к Нерону во второй своей крупной работе — «Анналы», написанной примерно через 50 лет после смерти правителя. В 16 (первоначально, возможно, их было 18) книгах Тацит рассказывает о величии и бедствиях времен династии Юлиев-Клавдиев, уделяя гораздо больше внимания бедствиям. Действие в «Анналах» начинается со смерти Августа и прихода к власти Тиберия в 14 году и постепенно, год за годом, переходит от Тиберия, Калигулы и Клавдия к Нерону. Структура «Анналов» с разбивкой по годам уже сама по себе является политическим заявлением. Тацит мог бы упорядочить свое повествование по правителям, но он предпочел ориентироваться на анналистику — древнеримскую историографическую форму, восходящую к приснопамятным временам республики. «Анналы» сохранились не полностью: после того как в конце 12-й книги Нерон восходит на престол, Тацит полностью посвящает ему книги с 13-й по 16-ю. В середине

* Это неверно. Тацит, как здравомыслящий человек и глубокий аналитик, прекрасно отдавал себе отчет в том, что единовластие в Риме было неизбежно; для него это была цена спасения *res publica* от грозившей ей неминуемой гибели. По мнению Тацита, «в интересах спокойствия и безопасности всю власть пришлось сосредоточить в руках одного человека» (Tac. Hist. I. 1. Пер. Г. С. Кнабе). Так он смотрел на причину создания принципата. Точно так же расценивал ситуацию Светоний, для которого возникновение принципата означало «установление гражданского мира» (Suet. Claud. 41. 2. Пер. М. Л. Гаспарова). Во времена Нерона и позже никто из римских интеллектуалов всерьез и не помышлял о реставрации сенатской республики, памятуя о трагикомичном эпизоде 41 года с нелепой попыткой «восстановления республики» после убийства Калигулы. Быть или не быть императору во главе *res publica* — так вопрос давно не стоял. Вопрос ставился иначе: кто именно будет стоять во главе державы? В этих условиях и возникла тема идеального властителя, о чем так много писал Сенека, не преуспевший, кстати сказать, в практическом плане (как воспитатель Нерона). Наконец, безусловно, Тацит не был мизантропом. Пессимистом и скептиком — да, но не мизантропом.

16-й книги повествование прерывается. Таким образом, отсутствуют 66 (частично), 67 и 68 годы, когда Нерон встретил свой конец.

Многие источники, использованные Тацитом, принадлежат перу сенаторов, пострадавших при императорах, таких как Тиберий (14–37), Калигула (37–41) и не в последнюю очередь Нерон; почти все эти сенаторы исчезли во мраке истории, оставшись безымянными¹⁸. Однако благодаря книгам «Анналов», посвященным Нерону, известны три имени. Тацит называет Плиния Старшего (24–79) автором не только монументальной «Естественной истории» (*Naturalis historia*), но и исторического труда, написанного в 70-х годах и известного сегодня лишь по фрагментам. Различные отрывки из «Естественной истории» иллюстрируют невысокое мнение Плиния о Нероне. Как только возникает необходимость в устрашающем примере расточительства, мнимого благочестия или неримского образа жизни, Плиний находит подходящий эпизод из жизни Нерона. Верх его неприязни выражается в том, что Нерон назван «врагом рода человеческого» и «ядом для мира»¹⁹.

Помимо Плиния Старшего, Тацит обращался к Марку Клувию Руфу и Фабию Рустикю, историкам и современникам Нерона, которые, вероятно, были лично знакомы с Нероном и его стилем управления. Клувий Руф выходил в качестве конферансье во время сценических выступлений Нерона и в целом относился к императору вполне лояльно. Фабий Рустик получил представление о ситуации при дворе благодаря дружбе с прославленным философом Сенекой, который какое-то время был ближайшим советником Нерона. После того как Сенека покончил жизнь самоубийством по приказу Нерона, Фабий Рустик, талантливый стилист, которого Тацит даже сравнивал с почитаемым Ливием*, больше не находил в императоре ничего хорошего. В какой-то момент Тацит также упоминает мемуары Агриппины, матери Нерона, в качестве источника²⁰.

Помимо этих литературных свидетельств, Тацит, как известно, обработал копии постановлений сената, хранившиеся в храме Сатурна на Римском форуме (*Forum Romanum*), а также *acta senatus* – протоколы заседаний сената, которые были подготовлены и сохранены в императорских архивах**. В принципе, Тацит интерпретировал имевшийся у него материал далеко не в самых мрачных тонах, когда ему попадались противоречивые суждения о Нероне. Например, когда возникает вопрос, от кого исходили сексуальные намеки, омрачающие картину отношений матери и сына – Нерона и Агриппины, после краткого разбора источников Тацит констатирует: скорее всего, от Агриппины²¹. Поэтому было бы неправильно рассматривать Тацита как предвзятого

* Будучи профессиональным ритором, Ливий не критически пересказывал свои источники и далеко не всегда разрешал противоречия между ними.

** В императорском Риме архив государственных актов был оборудован в Табуларии на склоне Капитолия (часть современного Дворца сенаторов). Само здание Табулария было построено в 78 году до н. э. рядом с храмом Сатурна.